

Александр
ПЕТРОВ

ДЕТИ СВЕТА

Александр Петров

Дети света

«Автор»

2012

Петров А.

Дети света / А. Петров — «Автор», 2012

Кто они – дети света? Эти люди живут среди нас и внешне почти не отличаются от остальных. Но они другие! Они принадлежат Вечному Свету. Они вырвались из объятий смерти. Они не умирают, а переходят из земного полумрака в блаженный свет. Они призваны к свету, идут к свету, несут в себе свет. Они среди нас. Они – дети света.

© Петров А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Из тени в свет переступая	5
Солнце, Вода и Камень	5
Заглянувший в мир иной	11
Согласие	15
Остановка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Петров

Дети света

*Доколе свет с вами, веруйте в свет,
да будете сынами света.
Евангелие от Иоанна 12, 36*

Из тени в свет переступая

Солнце, Вода и Камень

Он стремился на это озеро много лет. И вот, наконец, на исходе лета приехал сюда в санаторий. Первые дни он каждой клеткой тела ненасытно впитывал яркие лучи солнца, хрустальную голубизну воды, упругий душистый ветер.

Часами босиком бродил по берегу и собирал камешки, капризно тускнеющие на солнце. Ногами взбивал пену прибрежной волны до пушистой белизны. Набегавшись, растягивался на скрипучей замшевой гальке и умирал дыхание, распиравшее грудь кузнечными мехами.

Когда солнце сбегало из плена облаков, из его сияющего кувшина обильно изливались жаркие струи золота. И он купался в них, как дитя. Его рыжеватые волосы с каждым днем все больше выгорали. Курносое грубоватое лицо и мускулистое тело – покрывались необычным бордовым загаром. Пронзительно-синие глаза все ярче горели в густом созвездии осенних веснушек, а белки глаз и зубы все ярче сверкали на обожженном лице.

По пути с рынка он поднимался крутыми улочками мимо игрушечных домиков, похожих на глазированные пряники. Как большой ребенок, грыз огромные яблоки, красные снаружи, оранжевые внутри, стреляя брызгами. Громко хлюпал золотистыми слезами крупной сливы. Хрустел арбузными ломтями, которые улыбались ему во все тридцать две косточки. И долго не решался нарушить упругую хрупкость виноградной жемчужины, разглядывая на солнце, как под тугой кожицей в прозрачном зеленом желе замерло маленькое сердечко. И, как в опьянении, не замечал ни толчков прохожих, ни насмешек досужей толпы.

Он кормил чаек и голубей. И они слетались целыми стаями, хлопали крыльями, кричали, садились на руки, голову, плечи. Даже хрупкие дикие горлицы доверялись ему, по-девичьи скромно приближаясь сизыми тенями к разбитым кедам. Он улыбался усталым детям, засыпающим на широких папиных плечах в обнимку с большой папиной головой. ...А ему улыбались старики.

Без усталости карабкался на скалу, царапая руки о жесткие сучья, скрипя кедами по сыпучей каменной тропе. Потом замирал на краю утеса и жадно разглядывал безбрежное серебристое озеро в россыпи рыбацких лодок, похожих с высоты на крохотные скорлупки. Поднимал глаза к ярко-синему небу в пушистых клубах белых облаков. В малахитовых кудрях садов и парков, среди высоких сизых елей, устремленных вверх, разыскивал крыши знакомых домов. Снова, затаив дыхание, до слепоты, до боли в глазах разглядывал озеро... И что-то тихо шептал в немую искрящуюся даль. И, наверное, получал ответ.

Вечером он сидел на полупустом берегу и, прислонившись спиной к теплему граниту набережной, провожал уплывающий за горизонт малиновый солнечный диск. Потом сквозь шумную толпу отдыхающих задумчиво брел по липовой аллее в черную густоту ночи. Поднимался крутыми улочками, уступая дорогу шальным автомобилям, которые неожиданно и бесшумно выпрыгивали из-за угла на высокой скорости.

В жилых домах, окруженных цветочными оградами, в это время ужинали. Со всех сторон ветерок доносил сладкие ароматы цветов, жареного мяса и лука. Впрочем, тихому созерцанию одинокого путника не мешали ни застольные крики, ни шорох автомобильных шин, ни жалобный плач горлиц: «Уй-и-и, уйи-и-и». Он все принимал с любовью.

...И вот он заболел. Утром, после вечернего радужного дождя, набрал грибов, нанизал на струганные ветки, поджарил грибной шашлык на углях за забором – и вот результат. Целый день – драгоценный день отпуска! – с пищевым отравлением пролежал в постели, обливаясь потом, не рискуя удаляться от санузла. Старенькая шумная санитарка бабушка Маруся причитала над больным. Она заставляла его пить таблетки, потом вместо «химии» принесла домашнюю марганцовку, а перед сном украдкой – водку с перцем. Обходила номера и всем по очереди внушала, насколько опасно собирать незнакомые грибы.

Его сосед, старик Евгенийч, слышал за стеной бурчанье старушки и вялые оправдания больного, шаркал по комнате, выходил на веранду, заглядывал в окно и бормотал: «Бедный, бедный больной брат!» И только черное звездное небо внимало его молитве, и жалобно вздыхало осиротевшее озеро, и тонко, по-детски, плакали горлицы. «Бедный, бедный больной брат!» – бормотал без усталости старик, чтобы завтра этот большой рыжий ребенок снова проснулся здоровым. Потому что по нему соскучились все, кто успел полюбить... С того дня грибами на прогулках он только любовался. Зато старичка-соседа полюбил и, как долго не видел сутулую сухонькую фигурку и печально-улыбчивое лицо с глазами блаженного, – искал среди разномастной санаторной публики.

Он имел удивительное свойство. Иногда оно забавляло, но, случалось, доставляло неприятности. Дело в том, что при своей болезненности внешне он выглядел молодым и полным сил. Так и говорил о себе: снаружи огурчик, а внутри – старая тыква. Наверное, благодаря этой его особенности и стала возможной следующая история.

В санаторий направили его от работы. Он-то думал, их нет давно, а вот, поди ж ты – имеются, и даже для простых людей. Приехал в лечебно-оздоровительное учреждение, как водится после трудовых подвигов, с зеленоватым оттенком лица и сизыми кругами под глазами. Но через несколько дней выпался, отъелся и вволю надышался целебным воздухом. Посмотрел в зеркало ванной – оттуда выглянул молодой парень лет тридцати. Только глаза выдавали возраст. Но ведь и с этой «проблемой» можно справиться – очки зеркальные, например, надеть. Особенно, если это предписано врачом от слепящих лучей солнца.

Оделся он в тот день легкомысленно. Но сначала предыстория. Как-то с большой полочки отправился он с дочерью на вещевой рынок – гардероб великовозрастному ребенку подновить. Упустил характеристики, которые он отпускал в адрес нарядов, выбранных «дитятей несмышленным». В этой брани даже суровые отцы терпят поражение. Зато девушки с победным видом уносят с рынка объемные пакеты с чем-то смешным и вызывающим. Впрочем, дочка пожалела папу, и за терпение решила отблагодарить. Поставила его по стойке «смирно», обошла вокруг и вынесла суровый приговор: «А ты, па, у меня ничего. Если упаковать со вкусом». Он пытался что-то сказать насчет ее вкуса, но вы же знаете нынешнее поколение... За несколько минут дочь подобрала ему комплект из брюк с рубашкой и, не дав опомниться, расплатилась из отощавшего бумажника. Всю дорогу домой он пытался воспитывать отпрыска в духе скромности и бережливости. Ставил в пример брата, которого одежда не волновала вовсе. Дочь сначала иронично мычала, вытянув губы, а потом встретила подружку и, чмокнув отца в нос, убежала в гости на примерку. Пакет со своими обновами он спрятал подальше в шкаф, но когда собирався в дорогу, дочь их разыскала, отгладила и аккуратно сложила в дорожную сумку.

В легкомысленной джинсовой паре – не пропадать же добру! – он вышел на прогулку. Предстояло пройти не менее трех километров по специальной прогулочной дорожке, размеченной по цветным бетонным плиткам белой пунктирной линией. Блаженная улыбка так и растягивала лицо. Отдыхающих видно не было, поэтому он просто шагал предписанные вра-

чом километры и любовался дивными растениями, обступившими дорожку. Тут росли голубые и черные ели, причудливые низкорослые и мачтовые сосны. Из-за поворота выплывали то стриженный самшит, то огромный куст бузины, усыпанный белыми шариками; то заросли орешника с зелеными плодами. А вот под кедрами заиграли желтыми и красными шарами соцветий неведомые цветы. И все это густо и сладко благоухало.

Итак, он брел по извилистой прогулочной дорожке, успешно преодолев тысячу восемьсот метров, о чем сообщала надпись на влажных бетонных плитах. Боли в брюшной полости и в поясничном отделе скелета почти не беспокоили. Скрип и щелчки в суставах после утренней зарядки и прошествии лечебной дистанции – пока не ощущались. Зато походка стала пружинистой, как в молодости. И настроение поднималось с каждым шагом.

Прошел он по влажному асфальту до края причала. Глубоко вдохнул свежий воздух, напитанный запахами хвои и рыбы. Перегнулся через ржавый парапет и замер. Прозрачные голубоватые волны струились и завихрялись вокруг опорных камней, пенились и журчали. Сквозь толщу воды фосфористо мерцали донные камни, обросшие зелеными русалочьими космами. Там и тут серебристыми молниями поблескивали стремительные стаи рыбок, ярко блиставшие в косых лучах солнца, пронизывающих толщу воды...

– Тебе тоже нравится эта вода? – раздался детский голосок у него за спиной. Он невольно вздрогнул и оглянулся. Рядом стояла девушка, с виду подросток, и в упор разглядывала его огромными глазами.

– Дитя мое, разве можно пугать старого, больного человека?

– Ты на себя в зеркало смотрел? – насмешливо дернула она плечиком.

– Да, сегодня утром...

И тут он вспомнил свое помолодевшее отражение, дочкину одежду, пружинистую походку и перестал удивляться происходящему.

– Чтобы расставить точки над «ё», должен признаться сразу, но честно: мне сорок восемь.

– Ну и что?

– ...А вода мне тоже нравится.

– Значит, еще поживешь.

– Твоими бы устами... диагноз оглашать.

– Марина. ...Это мое имя.

– То-то вода тебя притягивает.

– Поясни...

– Марина – значит «морская».

– А! Ты в этом смысле. В таком случае, как звучит твое имя?

– Петр. «Камень».

– Как этот, вокруг которого вода вьется?

– Так уж и вьется...

– Не прибедняйся.

– Ты первая девушка, которая за последние десять лет со мной заговорила.

– Слушай, а может, ты только сейчас для этого созрел?

– «Восторги и пощечины она чередовать умела, чтобы держать в узде рабов».

– Гомер?

– Неважно.

– А я тебе нравлюсь?

– Частично, – иронично улыбнулся он. – Какая-то часть твоя – да, но другая, там, где эта кавалерийская прямота с наскоком... Ты напоминаешь мою дочь, которой нужно опустошить папин кошелек.

– На, смотри! – Она достала из сумочки изящное портмоне и открыла настежь. Внутри лежала толстая пачка денег.

- Она еще и банки грабит, – вздохнул он, гася улыбку.
- Петенька, за эти бумажки мне приходится много работать.
- Кем же?
- Переводчиком в солидной фирме. Между прочим, отпуск у меня первый за шесть лет, – протянула она жалобно. – А рабочий день двенадцать часов, и выходных почти нет...
- Ну-ну, только без слез. Итак, считаем. Восемнадцать, плюс пять, плюс шесть – равно двадцать девять. А выглядишь ты на двадцать.
- Наверное, столько я и жила. Остальные годы – рабский труд на акул капитализма.
- Отсюда твоя детская прямолинейность?
- А что мне остается? Не одной же мне ходить среди липких мужиков. Послушай, Петр, давай закончим процедуру знакомства, и ты меня прогуляешь? Ну, как собачку, что ли?
- Давай. Только чисто по-дружески.
- Согласна.

Девушка взяла его под руку, и они тронулись в путь. Пока Марина рассказывала о поездках с начальством по Европе, у него появилось время опомниться. И он стал приводить в порядок нервную систему, по которой спутница нанесла если не удар, то ощутимое сотрясение.

«Спрашивается, зачем оно мне это надо?» – думал он, жмурясь от солнечных пятен под ногами. – «Человек я женатый. К жене успел привыкнуть. Она тоже меня любит. Если честно, я ее даже уважаю. Хотя бы за то, что ей приходится много лет терпеть мой упрямый характер с элементами деспотизма и нетерпимости. Единственный человек, кому удалось меня приручить и даже вить веревки, – это дочь.

А тут такое! Курорт, расслабленная воля, душа, распахнутая всему новому, – и эта молодая женщина, растерявшая по заграницам наши родные российские комплексы. Вообще-то, Марина при внешней разудалости больше похожа на «синий чулок», чем на пожирательницу мужских сердец. Иногда сквозь браваду проскальзывает неуверенность в себе, испуг, неопытность. И это хорошо», – подытожил он, потому что пришла очередь рассказывать о себе.

Внешне-то его жизнь выглядела вполне обычной: школа, институт, работа. Вместе с народом ему пришлось познакомиться с такими явлениями, как дефолт, кризис, безработица. Потом участвовал в конкурсе на замещение вакансий. Потом работал на износ, без выходных, чтобы оправдать оказанное доверие. И наконец – нынешняя налаженная жизнь в достатке, но не без болезней. А как еще можно честно заработать достаток? Поколение наших детей вырастает на родительских инфарктах, язвах, остеохондрозах. Хочется надеяться, что им не придется идти петляющим путем эпохи перемен.

Тем временем аллея парка осталась позади, а перед ними вырос бетонный забор с решетчатыми воротами. Нерешительно переглянувшись, они нарушили границу санатория. И если на территории лечебного учреждения соблюдался порядок, то стоило выйти за ворота, их окружила стихийная помойка с кучами бытовых отходов. Не сговариваясь, они глубоко вздохнули. Разговор переключился на печальное. Марина заговорила о том, как часто приходится ей сталкиваться с хамством и пошлостью на родине и за ее пределами.

Но вот по крутой тропинке они поднялись на аккуратную террасу. Отсюда открылся просторный вид, примиряющий человека с окружающим: огромное небо, парящее над бескрайним сверкающим озером с почти неразличимой линией горизонта. Они замолчали. Какова цена слов по сравнению с величием природных сокровищ?

Это молчаливое стояние что-то в них перевернуло. Пока человек ползает глазами и сознанием по пыльной земле, пока бестолковая суeta держит его в плену, – человек подобен пресмыкающемуся. Но, когда взойдет на высоту и орлиным взором окинет землю и свою жизнь на земле, – то и мысли взлетают ввысь.

С высоты видно, насколько физически ничтожен человек и как велик мир, созданный Творцом. Трудно представить себе, что все это существует для тебя, чтобы ты – человек! –

повелевал миром, совершенствовал его, – а ты его только портишь и губишь. Как-то даже неразумно созерцать беспредельные дали вселенной и свое паразитическое ничтожество примерять к понятию царь!..

Петр поделился мыслями с Мариной. Как водится в таких случаях, девушка долго смотрела на него в упор, оценивая степень повреждения психики. Но потом застенчиво улыбнулась, вздохнула и приглушенно ответила:

– Да уж, какой там царь...

– И все-таки человек вернет себе царское достоинство, – громко прошептал Петр. – Да, он переживет упадок, кризис, унижение старости и ужас смерти, но человек очистится, возродится и станет другим. Каким был изначально, только опытным. Никогда мы уже не вернемся к нынешнему уродству: сами того не захотим.

– Откуда ты это знаешь? – спросила она ровным голосом.

– Знаю...

Он еще не решил, стоит ли открыться ей полностью. Ему казалось, что они существовали в разных мирах. Думали и жили в разные стороны. Марина то ли обиделась, то ли задумалась. Она молча глядела вдаль. А Петр смотрел на нее.

Она стояла ближе к краю обрыва. Чуть дальше, за ней, пространство срывалось в бездну искрящейся воды и по восходящим струям теплого ветра взлетало вверх, к высокому небосводу. Но не просторный вид стихии привлекал сейчас его внимание, он неотрывно смотрел на Марину.

«Миловидное открытое лицо, стройная фигура, одежда, подобранная со вкусом, – все это, конечно, приятно радует глаз. Только мне-то что до этого? – думал он. – Мы из разных поколений, из разных стай. Чего ради интересоваться чужаком? И вообще, не оставить ли это приключение? Вернуться в свой взрослый мир, где всё так привычно, даже болезни и печаль? Куда уж мне гостить в её мире, где танцы, веселье и ...прочее.

Её поколение вовсю наслаждается тем, за что мое уже расплачивается».

Он видел перед собой юную девушку, которая и жить-то еще по-настоящему не начала. В ее будущем легко читалось замужество, воспитание симпатичных детишек, счастливая семейная жизнь. А что? Марина, по всему видно, трудолюбивая, аккуратная девушка с мягким характером. Такие становятся хорошими женами и матерями. Только откуда известно, что это сбудется? Кто знает, как сложится ее замужество? Что-то не приходилось ему встречать счастливых красавиц. Да и при чем здесь он? Жениться на ком-либо он не собирался даже теоретически. Флиртовать — тем более...

Он смотрел на нее и подумывал, как бы это знакомство вежливо свернуть, чтобы каждому вернуться в свою стаю. Даже набрался решимости, чтобы сделать первый шаг к разрыву... Как вдруг что-то произошло. Сейчас она стала открываться ему с необычной стороны. Он почувствовал в ней страдающего человека с живой, чуткой душой. Она тоже болела от наблюдения вокруг разрухи и вездесущего зла. Ее также тяготил абсурд мирской суеты. Так же, как и он, тянулась она – к свету, истине и блаженству.

«Чем же я лучше её? – спросил он себя. – А она... чем хуже меня? Отчего же я так сходу закрылся от нее, ушел в глухую оборону? Как устрица, захлопнул жесткие створки раковины».

И тут началось... Сначала силуэт девушки на секунду слился с искристым сиянием моря и почти растворился в нём. А потом Марина вернулась, но совершенно другой.

Он смотрел на нее, и не мог оторвать глаз. Пропали его сомнения, робость и нежелание показаться бестактным. Он смотрел прямо и неотрывно. Что-то странное произошло с ее внешностью. Растаяла телесность и сквозь покров одежды и кожи проявилась ее сокровенная сущность. То, что он увидел, превзошло его представления о красоте. Затмило все, на что способно самое гениальное воображение.

Ему открылся идеал, совершенство. Откуда это? Большие, лучистые глаза, алые губы, чуть по-детски пухлые; тонкий, изящный нос; нежнейший рельеф лица, плавно перетекающий, без единой резкой линии. Эта елейная кожа с матовым переливом от золотистого румянца щек к прозрачной белизне лба и подбородка. Право же, этим лицом хотелось любоваться бесконечно! К её фигуре никак не подходило слово «тело», потому что она стала бестелесной. Плоть, как граница организма, стянутая грубой мембраной пористой кожи, – всё это растаяло.

Новая проступившая телесность не давила диктатом похоти. И вместе с тем она притягивала взгляд. Ее материя, легкая, как пух, и прозрачная настолько, что без труда пронизывает лучистым сиянием земное грубое тело человека. Это, наверное, душа девушки... Это – она сама, настоящая, сокрытая от людских взоров латами «кожаных риз», в которые Бог одел человека, изгоняя из рая.

Сияние души исходило из сердца, как дневные лучи света из солнца. Он увидел, как самый сильный луч, выйдя из ее сердца, дошел до его сердца и там зажегся огонек любви. Эта небесная любовь так же отличалась от любви земной, как синее небо от истоптанной грязи.

Там же, в своем сердце, он увидел другой огонек. Его зажег другой луч, исходящий от сердца его жены Ольги. Но – странно – этот луч начинался где-то очень далеко в высоком недоступном небе и проходил через Олино сердце, не зажигая в нем огня. А тот свет, который согреет ее сердце, был еще в пути. Но уже стремительно летел к ней из той огненной высоты, откуда исходит вся любовь.

Взгляд Петра невидимой силой вернулся к девушке. Но что это? Из небесной сущности Марины проступила земная боль. Он ощутил каким-то наитием, что прекрасная душа девушки стремится вырваться из плена земного тела. Неизвестно, откуда взялось это знание, только оно появилось и сильно обожгло. Позже он понял, почему...

Когда видишь цветущую девушку, с ее образом никак не хочется связывать явление, даже звучание которого отвратительно. Это антиподы: девушка – и смерть. Вот и произнес он мысленно слово. И содрогнулся. Но как душа может освободиться от телесного плена? Только через отсечение смертью, чтобы тело сошло в землю, а душа вернулась на небо, к солнцу. Так зерно умирает в земле, чтобы весной от солнечного тепла взойти зеленым ростком и подняться к небу спелым золотым колосом.

И тогда его осенило. Так вот откуда это видение. Вот почему ее душа так стремится к исходу из тела. Девушка-то, обречена!.. Скорей всего, смертельно больна. Наверное, отсюда ее порыв к общению, преодолевший врожденную застенчивость. По этой же причине она в санатории.

Казалось, прошла целая вечность, – так долго носил он в себе этот тяжелый груз. Но ведь зачем-то они сошлись в одной точке многолюдного мира? Не зря же ему дано было увидеть ее прекрасную душу и почувствовать обреченность девушки. Это, скорей всего, и подсказка, и урок, и предостережение. Что еще? Может быть, даже его шанс что-то исправить в своей жизни. И девушке как-то помочь. Интересно, сама-то она знает о своей участи?

Заглянувший в мир иной

«Да, я христианин. Да, православный. И не смейте в этом сомневаться».

Мужчина средних лет лежал на больничной кровати и рассеянно смотрел в окно. В душе его поднялась мутная взвесь. Он и сам не радовался мыслям, которые помимо желания всплыли из потайных уголков души и терзали сознание. Он боялся и не любил такого себя, но это снова ожило и беспощадно мучило судейским обличением.

«Я регулярно хожу в церковь и стою на службах. Несколько раз в год причащаюсь. Меня трудно упрекнуть в прелести. Потому что ежедневно читаю святых отцов и по ним сверяю свое духовное состояние. К тому же у меня крепкая психика и нормальные естественные реакции на все живое и красивое.

В отличие от некоторых «коллег по конфессии», я не стану утверждать, что читать надо только Предания, а телевизор смотреть вовсе вредно. В наше содомо-вавилонское время мирянам необходимо получать легкие прививки от мира сего, чтобы не быть им побежденным. Разумеется, в таких дозах, чтобы не увлечься и не попасть в зависимость. «Ничто мне не вредно, но ничего не должно лишать меня свободы».

Сердце моё, сердце! Ну, что тебе неймётся? Что болишь, ретивое? И душно сегодня, как в погребке.

А вообще-то мое кредо, если хотите, таково: высшая добродетель – рассудительность. Кстати, мало кому доступная. Может, потому что в основе – рассудок? А этот инструмент не у всех в порядке.

Господа интеллектуалы грешат гордыней ума, не замечая при этом собственной шизофрении. Впрочем, наполеон в палате номер шесть Кащенко тоже уверен, что именно он и есть настоящий Наполеон, – и нет сомнений. Эти любят с «вумной» гримасой и гармошкой на лбу изречь что-нибудь эдакое, знаете ли, поприбабмасистее, чтоб ни у кого и сомнения не осталось, что слушаете вы умницу. Ну там еще сгорбиться, ручкой подбородочек безвольный подпереть, глазами пристально эдак зрачки собеседника посверлить. Если получится, то и ножкой притопнуть: я, дескать, на этом настаиваю. На чем, голубчик, на мухоморах? Короче, смотри приемы драматических актеров, которые сегодня изображают святых, а завтра маньяка, лишь бы деньги платили и славы побольше. А на уколы совести всегда можно со вздохом ответить: работа, мол, профе-е-ессия такая, что поделаешь... Правда, если проанализировать трезво, что этот «умник» выдал, чаще всего получите жиденькую банальность, да еще с душком зависти и тщеславия. Большинство из таковых пьют горько или впадают в другие позорные страсти.

Те, которые меньше изуродованы судорогами интеллекта, – рассудком пользуются редко. Впрочем, гордыня у них пробивает из другой области. Неразумным нравится кичиться своей простотой. Плюхнутся такие в лужу с отходами жизнедеятельности и требуют, чтобы все непременно умилились и хлопали в ладошки. И попробуйте только не умилиться... Враз получите «пролетарским» кулаком по лбу. А если и с кулаками там жидковато, или вы способны дать отпор, ждите аспидных шипений за спиной. А когда они попытаются разжалобить вас тем, что учиться им якобы не позволили тяжелые семейные или материальные условия, тащите их ко мне. Я приведу им в пример своих родственников, которые будучи нищими и голодными, умудрились закончить высшие учебные заведения, а кто и не одно. Просто им надо было, чтобы «в люди выйти».

А так, чтобы и рассудительность, и простота в одной, отдельно взятой личности... Позовите, братья и сестры, если разыщете такого уника, хорошо? Я не пожалею одного-двух выходных, медные монеты, выброшенные столичными нищими, подберу и бюст отолью на родине того героя. Шутка. В этом месте воспитанные люди говорят «ха-ха».

Ох, что же сердце так прихватило! Да и врача путевого нет, как назло. Так, молоденькая свистулька, только что выпорхнувшая из каких-нибудь фельдшерских курсов. Зайдет Светочка-конфеточка, глазками похлопает и уходит на телефоне висеть. Сердце моё, сердце! Что болишь, ретивое? Что терзаешь? Ладно, Бог не выдаст, свинья не съест.

Пойдем дальше. Что я люблю? В первую очередь, конечно, Господа. Это несомненно. Любить Совершенство, Любовь и Милость легко и нормально. Здесь, если у кого трудности, это проблемы духовного паралича или полного помрачения. Даже наши враги признают, что Иисус Христос прекрасен и чист, а его учение, возвышенно и даже поэтично.

Труднее обстоит дело с миром тварным, созданным Господом для блаженства, но так пошленько загаженным человеком.

Как, скажите на милость, любить моего школьного друга Гошу, когда он меня грабит с «честным» взглядом «голубого воришки»? Приходит Гоша за очередным «траншем» займа и бьет в грудь: отдам, не беспокойся. Ни разу не отдал. Да я и не требую. Только зачем врать? Зачем обещать, что на подходе «золотые горы»?

Никак не полюбить мне начальника. Это вообще без вариантов. Платит мне он, как муравью, а работу требует, как со слона. У него от моих трудов лучший оформительский дизайн в округе. Монументальные росписи по стенам учреждения, как на вилле олигарха. Я портретами всю его семью обеспечил. Сереньких и неказистых отпрысков так написал, будто те с Голливудского олимпа на часок попозировать заехали. Опять же, дачу ему помог за полцены достроить. Век бы ему без меня в сарае дырявом по выходным прозябать. Не ценит гражданин начальник.

Или вот еще соседка моя Рита. Еще недавно бегала по двору девчонка с косичками, стрекоза голенастая, а теперь... Волосы розовые, штаны шириной с Миссисипи. Топик, будто детская распашонка. Между нижним и верхним уровнями одежды впалый живот с кольцом на пупе. Ну чистый клоун! Мимо проходит: нос кверху, взгляд оловянный, челюсть, как у жвачного животного,— туда-сюда елозит, ни те «здрасьте», ни «до свиданья». Ну ладно, была бы Ритуля из проблемной семьи, — так нет, нормальные предки. Сами, горемычные, от дочкиных «приколов» и «прикида» в шоке.

А как научиться любить соседей сверху? Эти загостившиеся «гости столицы», как правило, раз в месяц заливают меня водой. Через день оглушают музыкой, похожей на соло волчьей стаи под аккомпанемент турбины бомбардировщика. И каждый день с восьми утра до двенадцати ночи их мальчуган сотрясает потолок, издавая зоологические звуки. На просьбы вести себя тише я слышу: подумаешь, дитя играет. Баловать мальчишек, — это у кавказцев национальное. Кажется, теперь мне ясно, как грамотно вырастить бандита. Надо просто ребенку позволять всё.

Ну ладно, эти неверующие. С них и спрос невысок. А каково мне исповедоваться отцу Никодиму, который с некоторых стал попивать?! Я у аналоя вместо горячего покаяния чувствую тошноту от перегара. Мне что, из-за этой немощи храм поменять? Так я, извините, расписывал его бесплатно и больше десяти лет часть заработка туда нес. Мне в моем храме каждый уголок дорог, в прямом и переносном смысле.

Друг мой, Генка, в монахи постригся. Укатил в какую-то глубинку, но через год снова здорово в столице «вынырнул». Теперь носится по улицам с ящиком для пожертвований. Ты, если монах, сиди в келье и молись. Пусть за твои молитвы к тебе богатенькие сами идут. В конце-концов, кто кого спасает? Кто кому должен?

Нет, что-то у меня сегодня покаяние никак не ладится. Сердце мое сердце... Давит грудь, будто плитой бетонной. Ладно, Господь все видит. Помолиться, что ли?.. Генка — и монах... Ну куда ты суешься? Бред! Что-то молитва не идет... Надо собраться. «Отче наш, Иже еси...» А ведь в больницу залетел по вине начальника. Это он меня в отпуск полтора года не пускал...

«...на небеси...» ...Ритка с красными волосами... Гости столицы, с гор свалившиеся... Генка с ящиком... Батя с перегаром...

Сердце сдавило! О, Господи! Помилуй!»

В груди Родиона что-то сильно рвануло, резануло, – и горячая боль разлилась по телу.

Он встал и спрыгнул с кровати. Легко и просто. Под ногами густой воздух спружинил и подбросил его вверх, как на батуте. Он взлетел и задумчиво повис под потолком.

«Что же это получается? – размышлял он. – Я здесь, и я там, внизу. Здесь я легкий и здоровый, а там, на кровати, белый и застывший, с открытым ртом. Не очень эстетично. Соседи по палате всполошились и побежали за Светочкой.

Мне стало смешно. Чего это они суетятся вокруг белого уродца, когда я – вот он. Света подскочила, вся розовая от волнения. Эй, Светик, приветик! Ну, взгляни на меня. Эй ты! Что бьешь по груди мое второе «я»? Прекрати! Чему вас только в медвузах учат. Да вот он я, люди!

И только в эту секунду я понял, что случилось. Да я помер! А эта белая кукла с открытым ртом, вокруг которой суета, – мой хладный труп.

Господи, помилуй! Спаси и сохрани! Пресвятая Мати Богородица, спаси меня, грешного!»

И в этот миг все изменилось. Он легко, как на мощных невидимых крыльях, взметнулся вверх. Пролетел сквозь бетонные перекрытия и крышу. Взмыл в небо и стрелой пронесся сквозь пелену облаков в бездонную синеву. Но и небо вскоре осталось сзади. Он пролетел черный космос со звездами и оказался в полном мраке. На земле такой темени нет. Это полное отсутствие света. Но он продолжал лететь. Интересно, куда теперь? Страха не было. Скорей, любопытство наполняло его.

Вдруг полет оборвался. Родион очутился у невидимого порога, словно перед стеклянной стеной. Оттуда лился свет. Ему очень захотелось туда, в мягкое весеннее сияние. «Интересно, можно мне туда?» – подумал он. «Войди!» – услышал в тот же миг ответ. Это не был звук. Повеление произошло оттуда, из света, и отозвалось в каждой клетке его существа. Или фотоне?.. Он мельком оглядел себя и обнаружил руки, тело, ноги, – очень похожие на свои собственные, но молодые, без морщин и слегка светящиеся.

Однако невидимая стена между ним и светом исчезла. Родион вошел внутрь. Только шаг сделал... Даже не шаг, а легкое движение, – и вот оказался на солнечном поле. Здесь не было ни привычного источника света, ни теней. Словно воздух в самом себе нес мягкое рассеянное свечение.

Что-то произошло. Как на литургии, когда открыли царские врата и невидимая волна прокатилась по всему пространству храма, и вынесли из алтаря золотой потир. «Царь сошел с трона к Своим подданным», – как всегда в такой миг, пронеслось в душе. Всем новым существом он ощутил Присутствие. В тот дивный миг на него сошла любовь, какой никогда он еще не испытывал. Все земное представление о счастье рассеялось, как сумрак от солнца, вышедшего из густых туч.

Свет воссиял. Любовь наполнила его без остатка. Из света раздался добрый голос. Каждая частица его существа отозвалась и потянулась ему навстречу. Так тянется растение к солнцу. Он узнал Его. Как сын узнаёт отца, раб – господина, тварь – Творца.

Преграда между Богом и человеком исчезла. Ложь земного обмана, лукавство мира, вьевшееся в душу, мишура самолюбивых мечтаний – всё растаяло. Отныне он не мог отгородиться от Судьи делами и заботами. Родион предстал перед Господом таким, каким Господь, для Которого нет ничего сокровенного, всегда видит каждого человека. Но впервые Родион сам открылся перед Богом обнаженным телом своей души.

«Что ты можешь показать Мне из своих дел, Родион?» – услышал он ласковый, но властный голос Повелителя.

И познал он истину о себе. Перед ним проходила вся его жизнь день за днем. Впервые она явилась ему не в человеческом представлении, а естественной, без прикрас. Все поступки были пропитаны ядом гордости. Дела, которые он считал добрыми, оказались черными от плесени тщеславия. Отношения с людьми омрачались самолюбием.

Напоследок его жизнь раскрылась, как панорама. Она походила на грязную реку с мутной зловонной водой в берегах, поросших колючками и буреломом. А текла река его судьбы в страшную черную пропасть без дна. И понял он, что эта за пропасть!.. Это адская бездна.

«Ты жил для себя, а не во имя любви. В этом твоя ошибка.»

Голос, полный отеческой заботы, звучал вокруг и внутри человека. И если бы не Его участие, если бы не мудрая доброта, Родион бы сторел от стыда и превратился в горстку пепла. Но что-то удержало от полного отчаяния. И он остался спокоен. Это было тихое предчувствие радости. И Податель этой непобедимой радости прощения сказал:

«Вернись на землю и измени свою жизнь.»

На прощанье Родион оглянулся. «Какое блаженство находиться в небесном свете! – подумал он. – Как Ты любишь нас, Господи! Я должен сделать всё, только бы вернуться сюда оправданным. Помоги мне, Спаситель.»

– ...Ну, что же ты, миленький! Вернись, пожалуйста! Ты видишь, как я стараюсь? – причитала Светлана, ритмично наваливаясь на его костлявую грудь сильными руками. Слезы ручьем и пот градом заливали ей глаза. Тушь с ресниц растеклась по лицу черными разводами. Она размазывала все это по лицу рукавом и по-бабьи выла: – Не дам я тебе умереть, слышишь? И не думай. Я лучше сама помру, но ты у меня оживешь.

– Света, кончай месить меня. Я тебе что, тесто, – первое, что удалось ему сказать после возвращения в собственное тело. – Ты мне ребра ломаешь.

– Ур-р-а! – закричала мучительница. – Живой!

– Ну да, а как же иначе? – ворчал Родион, потирая ноющую грудь. – Ты старалась, и я тебя пожалел. Ну и ручки у тебя... – рассматривал он ее тонкие пальчики. – Ими подковы разгибать можно.

– Да что ты! У меня от страха силы появились. Спасибо тебе, что ты не умер. Я... не знаю, что бы делала... – и она снова заревела, как испуганная девчонка.

Согласие

Петр вспомнил, что и раньше видел Марину: в столовой, в процедурном корпусе, на набережной. Но проходил мимо.

«Вот так за свою жизнь мы проходим мимо тысяч людей, и только человек тридцать на самом деле живут с нами, – подумал он. – И только единицы становятся действительно близкими. И вовсе необязательно это члены семьи или родственники.

С той минуты, как я увидел душу девушки, сияющую неземным светом, понял, что полюбил ее. Не девушку, как объект вожделения, но эту чистую, страдающую прекрасную душу. Наверное, впервые мне довелось узнать, что такое духовная любовь. Ну, пусть не истинно духовная, как у святых, но хотя бы какой-то малый отблеск ее, крупница... Но как она прекрасна! То, что я принимал за это раньше, сейчас кажется обманом, тенью, иллюзией... Хотя, честно признаться, и тот обман дорог. Может потому, что путь к любви земной непременно проходит сквозь тернии страданий и уколы боли. А что дается с трудом и сохраняется мучительно, ценится особенно.

В новой для меня любви, чистой, как улыбка младенца... В сладостном чувстве нет и полутени. Новизна необычайно радостна и блаженна. В этом свете нет тьмы!. Вместо обычного похотливого желания обладать, чтобы урвать кусок сладкого пирога, – здесь блаженство, которое не испытать, ни присвоить, ни скрыть в тайнике. Это приходит, когда не берешь, но готов себя отдать другому без остатка, до смерти, до... жизни вечной.

В любви духовной все не так, как в земной. Испив из безбрежного источника, нипочем не захочешь вернуться к грубым земным подделкам. В тот миг ее преображения мне показалось, что блаженство — уже навечно. В ту секунду время остановилось. И когда видение отступило, тонкая горечь примешалась к сладостному послевкусию небесной радости. Душа девушки, наверное, испытывала нечто похожее на стремление пленницы на волю. На ностальгию измученного путника по отчему дому, где все свое, где все такое родное!

Мне захотелось взять девушку за руку и сказать: «Пойдем же скорее домой! О, как хорошо там!» Но, увы, скорее всего, вернуться домой нам предстоит порознь. У каждого на земле свой путь и свое время перехода. И пройти этот путь каждый должен сам».

– Ты меня слышишь? – спросила Марина.

– Да, конечно, – отозвался он.

– Мне с тобой хорошо и спокойно. Но я не знаю, как себя вести. И не знаю, что говорить. Эй, ты где? Слышишь?

– Да, конечно. Ты рассказывай. Я слушаю.

Снова и снова Петр мысленно возвращался к видению. Так, наверное, заключенный жадно прикипает к тюремной решетке окна, откуда льется синева желанного чистого неба. Он помнил мельчайшие подробности лица, бестелесного тела, одежд. Даже то дивное сияние, которое исходило от нее. Но, вернуть хрупкое тончайшее блаженство неземной любви ему, увы, не удалось. Это как вместо купания в прозрачном изумруде волны разглядывать фотографии водной поверхности. Красиво, конечно, но не то...

Петр сел на пень, бархатный от зеленого мха. Марина устроилась рядом. Его взгляд скользил по примятой траве. Вдруг с листика подорожника, похожего на сухопутную кувшинку, блеснул яркий изумрудный луч света. «Наверное, кто-то обронил драгоценный камень», – пронеслось в голове. Не теряя взглядом светящейся точки, он чуть сдвинул голову – луч изменил цвет на ярко-красный. Теперь казалось, что сверкает рубин. Он слегка переместил голову в другую сторону. Вот чудеса! Сейчас фиолетово-синий сапфир выпустил в него ярко-синий луч. Он осторожно, по-кошачьи мягко, чтобы не потерять из виду сверкающего камня, подался вперед, сделал шаг, еще полшага... Вот оно что! На ладонке листа подорожника покоилась

крохотная росинка. Это она, преломляя луч солнечного света, весело рассыпала вокруг радужные лучи.

«Всего-то капелька чистой воды на солнце, а как сверкает! – удивился он. – Нет, право же, чистота и свет – это чудесное сочетание. Кажется, мне открылось что-то потрясающее, – вздохнул он про себя. – Хотя и в малой степени, «как сквозь тусклое стекло, гадательно», но мне удалось пережить отсвет той любви, которая пребывает в жителях Царства Небесного. Теперь мне отчасти ясно, как может изменить, освятить душу человека в один миг только одно Иисусово «хочу, очистись!» Где? Когда? В точке встречи нашей мольбы с волей Спасителя. В таинственной точке, откуда возьмет начало вечность».

Он оглянулся на Марину. Девушка сидела в пол-оборота к нему, закрыв глаза и подставив лицо солнцу. Она не видела странноватых перемещений соседа, не слышала его мыслей. Она что-то рассказывала.

– Я объездила почти весь мир и всюду как-то не так.

– Почему?

– Меня знакомили с богатыми и знаменитыми людьми. Внешне они очень респектабельны, но мне казалась, что они постоянно лгут. Понимаешь, от них веет холодом. И самое страшное, что они этого не замечают.

– Ах, милая девочка, и ты тоже... – вздохнул он.

– Что?

– Ты тоже несешь этот крест. Только в отличие от нас, ты одна и без помощников.

– В отличие от кого – от нас? Почему одна? Какие помощники?

И он понял, что теперь можно, и открылся ей. И рассказал все...

...– Теперь ты поняла, откуда у тебя эта смертельная усталость? – спросил он напоследок. – Поняла, что без церковных таинств тебе не выстоять?

– Поняла. Ты мне поможешь?

– Конечно.

– С тобой я пойду.

– Вот и умница.

Остановка

На шестичасовой автобус Иннокентий опоздал.

Спешил, как мог, собирая вещи, запихивая их в сумку. Они не слушались хозяйской руки, комкались, вываливались наружу, словно издеваясь над ним. Несколько раз усталость и раздражение выталкивали его из номера на балкон, в глубокое кресло, которое успело стать любимым. Сидел, смотрел на покойное синее небо в пухе облаков, текучую воду узкой реки, слушал птичью трескотню, успокаивался...

Наконец, ему удалось освободиться от цепкого захвата тишины. Оборвал цепи, приковавшие к этому месту краткого отдыха. И выскочил из корпуса. Бросил прощальный взгляд на колонны, башенки и стеклянные стены зимнего сада. Проходя березовую аллею, последний раз вдохнул душистые пары, висящие влажными клубами. Помахал рукой сонным охранникам на проходной. Осталось преодолеть пригорок с редким сосняком и полоску клеверного поля. Взобравшись на вершину холма, он увидел то, от чего сердце сжалось и заныло: желтый угловатый автобус отъехал от остановки и сворачивал на шоссе. Опоздал.

Ну что ж, торопиться теперь не стоит. Он перевел дух и по узенькой тропинке, по мягкому клеверному ковру добрел до остановки. Оказывается, не он один опоздал. Здесь под бетонным козырьком на скамейке сидел коренастый мужчина с сумками. На его вспотевшем загорелом лице таяла досада.

– Когда следующий? – спросил Иннокентий.

– Теперь через час, – со вздохом ответил тот.

Вернуться в дом отдыха нельзя. Горничная, принявшая номер, сразу приступила к уборке. Придется ждать здесь. Иннокентий снял очки и тщательно протер платком. С холма шариком скатилась полная женщина и тоже присоединилась к опоздавшим. Затем трусцой прибежали мама с девушкой. Энергично подошел веселый мужчина в мятом летнем костюме, лихо размахивая хрустящим полупустым пакетом.

Они смотрели на часы, вздыхали, ерзали на жестких брусках скамейки, ворчали и скребли затылки. Наконец веселый подытожил:

– Итак, братья славяне, имеем вынужденный простой. Тогда, может, скинемся? Я сбегая. Здесь рядом.

– Кто про что, а вшивый про баню, – отозвалась женщина-шарик.

– Время отдыха нужно проводить с максимальной пользой, – поднял палец веселый.

Потом повернулся к Иннокентию и выпалил:

– Мужчина, на троих будешь?

– О чем вы, собственно?

– По стаканчику винца, чтоб напряжение снять. По-вашему, релаксация.

– В принципе, я не против, если кто третьим, конечно, согласится.

– Я по воскресеньям не пью, – отозвался загорелый, – завтра на работу.

– Всем на работу. Как сказано, не думай о завтрашнем дне, он сам себя кормит. Сегодня нужно жить полной грудью.

– И это, по-вашему, называется жить? – встрепнулся загорелый. – Вы такой житухой всю Россию пропили. А что не пропили, то продали.

– Не надо нам инкриминировать инсинуации, мужчина! – неожиданно мягко ответил веселый философ. – Вас послушать, так только трезвенники и работают. А у нас, может, душа тонкая – она, может, родимая, от скорби горит и жидкого хочет. – Он оглядел коллектив опоздавших. – Вот, скажем, вы, мама девушки, и вы, дочка мамина, скажите своему народу, что еще делать, если глаз видит царящее в мире зло, а душа от этого страждет?

– Ну не напиваться же в конце концов, – мягко ответила мать. – Есть же какие-то другие достойные вещи!

– А может, лучше мир цветами украсить? – робко подала голос девушка, зарывшись лицом в букет пионов. – Я читала, что красота спасет мир.

– Ах, милые наши девчушки, – всплеснул руками веселый. – Все вы изволите в миражах витать, да мерцать. Покойника тоже цветами украшают, только он живым не становится. Где смысл?

– Мы без вашего смысла жизнь прожили, и ничего, – крутанула облупленным носом круглая женщина.

– Так только глупые дуры могут говорить, – возмутился загорелый. – Для нас смысл в работе! Мы строили великое будущее!..

– ...А настроили бараки да казармы, – завершил фразу Иннокентий.

– Да если бы нам зарплату не задерживали по полгода, мы бы столько еще сделали!

– Как же, дожدهшься от этих казнокрадов зарплаты! Они ее в своих банках крутят, кровососы.

– А жилье где, я вас спрашиваю? Я пятнадцать лет на квартиру стою, и мне ее как своих ушей не видеть.

– А криминал! Не страна, а какая-то преступная группировка.

– Спокойно, господа славяне, так у нас дела не пойдут, – решительно поднял руку веселый. – Сейчас могут начаться нежелательные диспуты. Я же по врожденному миролюбию души убедительно попрошу раскошелиться на средства мирного решения вопросов. Ну, что с нами, совками, поделать, если мы только в состоянии расширения сосудов становимся добрыми и великодушными.

По рукам пошла хрустящая полиэтиленовая сума. Каждый что-нибудь да бросил в ее распахнутое нутро. Веселый схватил ее и побежал в ближайший магазинчик под названием «Что душе угодно». Вернулся он так быстро, что даже его поведение обсудить не успели. Только молча с мыслями собрались, – а он тут как тут. Кроме туго набитого пакета в его руках появился ящик, который он приспособил под стол заседаний.

– Скажу по-простому, – поднял пластмассовый стаканчик тостующий. – давайте несколько выпьем – это так сближает!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.